

МОТИВЫ “СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ” В СТИХОТВОРЕНИИ И. БУНИНА “КОВЫЛЬ”

© 2006 М.Ю. Фиш

Воронежский государственный университет

Интерес И. Бунина к культурному наследию человечества, в том числе и к русскому фольклору, можно назвать одной из доминант творчества художника, ведь внимание к прошлому тесно связано с мучившей его всю жизнь проблемой соотношения жизни и смерти, мига и вечности, начала и конца. Обращаясь к событиям давно минувших дней, Бунин стремится с их помощью познать загадку бытия человека в мире, через воссоздание событий прошлого определить смысл своего существования.

Стихотворение “Ковыль” (1894) — один из ярких примеров обращения Бунина к народному творчеству, связь с которым автор заявляет выбором эпиграфа, взятого из “Слова о полку Игореве”. Эпиграф представляет собой лирическое восклицание создателя “Слова”, которым он прерывает повествование о походе князя: “*Что ми шумить, что ми звенить — давеча рано предъ зорями ?*» [2, 28] В первой части своего стихотворения Бунин дважды повторяет слова эпиграфа в переложении Майкова. Он не случайно выбирает из “Слова” те строки, которые наиболее сильно выражают острую скорбь о поражении русских войск, тем самым показывая, что для него особо значимым является не событийная сторона повествования, а личное переживание древнего поэта. Вопросы автора “Слова” можно считать эмоциональной кульминацией произведения — в нем и предчувствие гибели русского войска, и ощущение страшного горя, которое вот-вот постигнет Русь. Автор “Слова” на мгновение отвлекается от эпического повествования, не в силах скрыть свое отношение к происходящему, погружается в свои эмоции. Именно этот личностно-эмоциональный аспект Бунин и переносит в свой текст, переосмысливая его, дополняя собственными размышлениями.

Таким образом, стихотворение “Ковыль” оказывается помещено в двойной системе координат: мы должны рассматривать его, с одной

стороны, в сопоставлении с поэтикой “Слова о полку Игореве”, а с другой — в контексте бунинского мировосприятия. Подобная двумерность заявлена уже на уровне композиции стихотворения: оно состоит из двух частей, различных по стилю. Первая часть стилизована под “Слово”, сходство с народной поэзией здесь определяется использованием тонического стиха и различных стилистических приемов: риторических вопросов (“*Или это ратный стан белеет ?*”), повтора слов (“*шумит-звенит*”, “*бежит-звенит*”), олицетворений (“*травы шепчутся*”), рефрена, параллельных синтаксических конструкций (“*Что шумит-звенит перед зарею ? / Что колышет ветер в темном поле ?*”), постоянных эпитетов (“*темное поле*”, “*ратный стан*”, “*старинная быль*”), отрицательного сравнения (“*Не ковыль ли, старый и сонливый, / Он качает, клонит и качает*”). Стилизация под “Слово” создает впечатление, будто перед нами текст, написанный древним автором; стихотворение рождает образы далекой старины, погружает в атмосферу событий средневековой давности.

Ритмическая организация второй части соответствует современному Бунину стихосложению, появляется рифма, пауза в середине строки. Если первая часть написана как бы в параллель со “Словом”, изнутри событий прошлого, то вторая соотносится с настоящим, отделена от времени похода Игоря веками. Таким образом, мы можем говорить не только о наличии двух временных пластов, но и о двух лирических центрах. На первый план в стихотворении выходит личностный характер переживания — оно не индивидуализировано, душевные переживания схожи с рефлексией каждого человека и, в первую очередь, автора стихотворения. Бунин, акцентируя внимание на созвучном ему мгновении отчаяния, пережитом автором “Слова”, тем самым показывает, что эмоции создателя поэмы стоят в одном ряду с его собственными — это я скорблю о случившемся!

В тексте “Слова о полку Игореве” отражено представление о двух разновидностях пространства — “своем” и “чужом”, поустороннем и потустороннем; первое соотносено с Русской землей, второе является символом Половецкой земли, оно характеризуется как темное, замутненное, шумное, несущее смерть. В связи с этим возникает мотив перехода через границу, реализованный в сценах похода, гибели в бою и побега князя Игоря. Рассмотрим, как развивается образ потустороннего мира в стихотворении “Ковыль”. Если в “Слове” мир, воплощенный в образе Половецкой земли, предстает в виде стихии — поля, моря, то есть как не имеющий границ, то у Бунина в качестве подобной стихии выступает пространство поля, получающее во второй части стихотворения именование “степь”, которое также не характеризуется с точки зрения его размеров либо границ. Слово-образ “степь” автор помещает в сильную позицию — завершает им фразу в середине строки, отделяет от предыдущего текста многоточием, наделяя тем самым особой смысловой нагрузкой. («...*Безмолвна степь. Один ковыль сонливый / Шушит, склоняясь ровной чередой...*») [2, 29]

Степь в русском сознании связана с представлением “о долгом и трудном пути, где человеку суждено мучиться, блуждать в поисках направления, дороги, поэтому степь воспринимается как начало враждебное” [1, 96]. Подобное представление о степи актуализировано и в “Слове о полку Игореве”, и в “Ковыле”. Для древнего автора степь — пространство, несущее беду, откуда надвигаются враги, куда уходят и где погибают Игоревы полки, у Бунина же получает развитие мотив дезориентации, непонимания того, что вокруг происходит, который усиливается повторяющимися вопросами. Понятие “поле” в контексте данного стихотворения сближается с понятием “степь”, так как апеллирует к значению, вложенному в него автором “Слова”, а именно: созвучие с наименованием “Половецкая земля”, отсутствие соотношения с этнографической или географической реальностью, наличие в нем семантического компонента “стихия”. Кроме того, в “Слове” в одном из контекстов встречается упоминание о “пустыни” в значении “степь”, которая “прикрывает” русское войско. (“*Уже бо, братие, не веселая година встала, уже пустыни силу прикрыла...*») [6, 68]. Степь, таким образом, приобретает подвижность, способность поглотить русские полки. В “Ковыле” пространство поля также наделяется подобным свойством воздействовать на людей: “*Или снова веет вольный ветер \ Над глубоко спящими полками?*»; “*Вежи половецкие колышет*” [2, 29].

У Бунина доминирует образно-чувственное изображение пространства: в первой части стихотворения поле и степь соотносятся с темнотой, сумраком, мглой — это комплекс зрительного восприятия; с шумом, шепотом, звоном — звуковой образ; с холодом, задымлением-туманом — осязательный образ. Подобный способ изображения, основанный на описании чувственного восприятия пространства, мы встречаем и в “Слове”, где на первый план выходит символическое значение зрительных, звуковых, кинетических образов, восходящих к славянской мифологии.

Так, Бунин заимствует образ утренней зари (“*рано предъ зорями*”) как обозначение пограничного времени суток. Для нас интересно его символическое изображение в “Слове” как гибели; это значение активизируется в связи с включением утренней зари в один смысловой ряд с образами вечерней зари и затмения, являющимися выражением “борьбы света с тьмой” [3, 158]. В “Слове” заря связывается с переходом от сна к бдению и обратно. Бунин развивает и углубляет данный мотив: предрассветное время не влечет за собой тепло и солнце; ключевые слова-образы — холод, сон, сумрак, мгла — семантически связаны с представлением о смерти, загробном мире.

Пространство степи-поля соотносится с пространством сна, который усиливает мотив потустороннего мира. В “Слове” “одним из символов пересечения границы потустороннего мира служит переход от сна к бдению” [3, 206]. В “Ковыле” пространство также соотносено со сном, который упоминается несколько раз: “*Смутно травы шепчутся сухие, — / Сладкий сон их нарушает ветер*”; “*по могилам сонным*”; “*Над глубоко спящими полками*”; “*Не ковыль ли, старый и сонливый, / Он качает...*”; “*Шумит трава дремотно...*». Сон наделяет пространство иллюзорностью, развивает мотив “ожившей” природы. Здесь можно увидеть, с одной стороны, апелляцию к “Слову” и присущим фольклору олицетворениям, а с другой — попытку прикоснуться к неподвластной человеческому разуму тайне существования всего живого.

В связи с этим можно говорить о возникновении в стихотворении “Ковыль” еще одного — бунинского — мотива, который не появляется в древнем тексте, — мотива загадки бытия, в основе которого лежит попытка познать заведомо непознаваемое — что есть жизнь и смерть. Первая часть стихотворения, связанная с прошлым, практически полностью состоит из вопросов, переходящих затем во вторую часть — в настоящее, словно преодолевающих столетия и звучащих с еще большей силой. Мотив загадочности

задан и на уровне наименования реалий: “могил сторожевая цепь... загадочно синее”, “В задумчивых, тоскующих полях”. Интересно, что в стихотворении использованы постоянные эпитеты, характерные для устного народного творчества, в сочетании с авторскими, отражающими особенности бунинского восприятия, например “ветер буйный и тоскливый”. Оппозиция “вопрос-ответ”, а точнее — “вопрос-отсутствие ответа” выводит размышления автора на онтологический уровень и является лейтмотивом не только этого стихотворения, но и всего бунинского творчества.

Во второй части “Ковыля” на первый план выходит проблема памяти: автор стремится отыскать следы событий прежних лет. Мотив следа имеет место и в “Слове о полку Игореве”, одна из его реализаций связана с мифологической схемой выхода из царства мертвых — возвращением Игоря из плена (загробного мира) на Русь (в мир земной). Зеркальное построение “Слова” с четким противопоставлением двух миров — посястороннего и потустороннего находит отражение и в стихотворении Бунина. Однако если первая часть “Ковыля” имеет множество соответствий с изображенным в “Слове” сакральным миром, то во второй части присутствуют не только элементы, указывающие на земной, реальный мир, но и следы загадочного, непознаваемого. Так, пространство здесь также окутано сном, безгранично (“Кругом все степь да степь”), продолжает развиваться мотив загадки (“Немых могил сторожевая цепь / Среди хлебов загадочно синее”). Появляется образ орла, который в “Слове” получает двойственное значение, относясь к каждому из миров: то является одним из превращений Бояна, связанного с земным миром, (“Боянь во вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслю по древу, шизым орломъ подъ облакы”) [6, 48], то воплощает враждебную природу (“орли клеткомъ на кости звѣри зовутъ”) [6, 58]. Бунин, по-видимому, активизирует оба компонента значения символа: с одной стороны, лирический герой обращается к орлу в поисках ответа на свой вопрос, а с другой — цитирует древний текст («...орлы...клетком псов на кости созывали»). Но в отличие от “Слова”, в котором данные значения разведены, в “Ковыле” они сближены до слияния, образ орла можно трактовать как объединяющий два мира, а следовательно, и миры эти не противопоставлены друг другу.

Если в “Слове” реализуется представление автора о времени, лежащем “в основе оценочных толкований действий героя” [4, 15]: прошлое и настоящее противопоставлены как “благо, деяния предков” и “зло, жизнь поколения автора” [4, 16], то в стихотворении Бунина время рассматривается вне связи с событиями. Как заметила О. В. Сливицкая, для Бунина события — “форма

существования жизни, но не источник ее изменения” [5, 81]. Не случайно, динамика “Ковыля” — не в описании действия, а во внутреннем напряжении, в попытке через фиксацию мгновения, “не остановленного, но, во всей своей изменчивости и хрупкости, превращенного в абсолютную, непреходящую ценность” [7, 119], выйти к постановке сущностно важных проблем, связанных с бытием человека в мире природы. Однако эти проблемы оказываются для Бунина принципиально неразрешимыми, о чем свидетельствует возникающий в стихотворении образ “безмолвной степи”, в которой исчезают все следы — материальные знаки некогда пребывавших там людей. Мотив непостижимости, безответности связан с образом “Грозного Космоса” [7, 126] как силы, несущей смерть и забвение, рождает драму индивидуальной жизни. Примечательно, что образ некой силы как субъекта, сеющего гибель, действия которого неподвластны человеку, реализуется в “Слове о полку Игореве” в образах разлива, надвигающейся грозы, поднявшейся пыли.

В стихотворении Бунина присутствует указание на возможный путь преодоления дисгармонии, который кроется в феномене памяти. Согласно Бунину, человек, с одной стороны, духовно, а с другой — вещественно, биологически связан с бытием своих предков. В памяти, исходя из концепции писателя, основополагающую роль играет чувственное восприятие человеком окружающего мира. В связи с этим особенное значение имеет то, что произведение начинается со звукового образа и им заканчивается, то есть, имеет кольцевую композицию. Возвращая нас в начало, автор на чувственном уровне осуществляет связь времен, вписывает события давно прошедшие в естественный круговорот бессмертной природы, на фоне которой, однако, не снимается трагизм осознания конечности отдельной личности. Важно то, что первоначальное заглавие стихотворения “В южных степях”, содержащее указание на пространство, автор изменяет. “Ковыль”, на первый взгляд, — более узкое понятие, однако, исходя из контекста произведения, оно вмещает не только пространственный компонент, но и временной, а точнее — вневременной, становится символом вечного и неизменного бытия природного мира.

Помимо чувственного компонента памяти в связи с данным произведением можно говорить и о ее культурной составляющей, заключающейся в приобщении к наследию прошлого. Вот почему Бунин в поисках созвучных ему мотивов обращается к великолепному памятнику средневековья, чтобы с его помощью прикоснуться ко всему духовно-эмоциональному опыту народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердникова О. А. “Наш путь – степной...” Концептуальность образа степи в романе А. Платонова “Чевенгур” / О. А. Бердникова // “Чевенгур”: авторская позиция и конспекты восприятия. – М: издательство ВГУ, 2004. – С. 94-103.
2. Бунин И. А. Собр. Соч. в 4 тт. / И. А. Бунин. – М.: Правда, 1988. – Т. 1, с.28-29.
3. Гаспаров Б. М. Поэтика “Слова о полку Игореве” / Б. М. Гаспаров. – М.: Аграф, 2000. – 608 с.
4. Ковалев Н. С. Жанрово-стилевые типы концептов “время” и “пространство” в “Слове о полку Игореве” / Н. С. Ковалев // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 25. – Воронеж: ВГУ, 2000. – С. 9–26.
5. Сливицкая О. В. “Повышенное чувство жизни”: мир Ивана Бунина / О. В. Сливицкая. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2004, – 270 с.
6. “Слово о полку Игореве” / Вступ. Ст., перевод, примеч. Д. С. Лихачева, – М., 1954. – 227 с.
7. Спивак Р. С. Русская философская лирика. 1910-е годы. И. Бунин, А. Блок, В. Маяковский: Учебное пособие / Р. С. Спивак. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 408 с.

Рецензент – Г. Ф. Ковалев.